

15/22

ПРЕПРИНТЫ

В. С. Малахов, М. Е. Симон, Д. Э. Летняков
А. С. Мотин, Н. А. Кокоева, И. К. Семенов

**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ
В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ: АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ
COVID-19 НА ПРОЦЕССЫ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э,
Мотин А.С., Кокоева Н.А., Семенов И.К.

**Трансграничные миграции в эпоху пандемии:
анализ влияния COVID-19 на процессы географической мобильности**

Препринт

Москва 2022

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э, Мотин., Кокоева Н.А., Семенов И.К. Трансграничные миграции в эпоху пандемии: анализ влияния COVID-19 на процессы географической мобильности // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – М.: РАНХиГС, 2022.

Пандемия КОВИД-19 повлекла за собой драматические изменения во всех сферах общественной жизни, как на страновом, так и на глобальном уровне. В ситуации дезориентированности, в которой находились национальные правительства весной 2020 г., были приняты беспрецедентные меры по закрытию государственных границ, что привело к прекращению или резкому сокращению миграционного притока. Однако достаточно скоро выяснилось, что зависимость целого ряда отраслей экономики от мигрантского труда столь значительна, что требует существенного смягчения/снятия наложенных ограничений. Тем самым управленческие структуры сталкиваются с серьезным вызовом, а именно: необходимостью выбора такого курса в миграционной политике, который отражает разумный баланс между императивами социально-экономического развития и императивами безопасности в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: географическая мобильность, социальная мобильность, международные миграции, пандемия, экономическая рецессия, устойчивое развитие, человеческий капитал.

Abstract: The COVID-19 pandemic has brought about dramatic changes in all areas of public life, both at the country and global levels. In a situation of disorientation in which national governments found themselves in the spring of 2020, unprecedented measures were taken to close state borders, which led to a cessation or a sharp reduction in migration inflows. However, it soon became clear that the dependence of a number of sectors of the economy on migrant labor is so significant that it requires a significant mitigation/removal of the imposed restrictions. Thus, management structures are facing a serious challenge, namely the need to choose a course in migration policy that reflects a reasonable balance between the imperatives of socio-economic development and the imperatives of security in the health sector.

Keywords: geographical mobility, social mobility, international migration, pandemic, economic recession, sustainable development, human capital.

Исполнители:

Малахов Владимир Сергеевич, доктор политических наук, профессор, директор Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: malakhov-vs@ranepa.ru

Симон Марк Евгеньевич., кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: simon-me@ranepa.ru

Летняков Денис Эдуардович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: letnyakov-de@ranepa.ru

Мотин Александр Сергеевич, младший научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС, motin-as@ranepa.ru

Кокоева Надежда Анатольевна, младший научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований ИОН РАНХиГС, kokoeva-na@ranepa.ru

Семёнов Игорь Константинович, магистр МВШСЭН, MSS2002007@universitas.ru

Содержание

Введение	5
1. Основные характеристики международных миграций накануне и во время пандемии	9
2. Ключевые изменения в миграционной политике принимающих стран	14
3. Пандемия и миграционные потоки в России и постсоветском пространстве	24
Заключение.....	32
Благодарности.....	36
Список использованных источников.....	37

Введение

Актуальность исследования заключается в следующем:

Пандемия КОВИД-19 повлекла за собой драматичные изменения во всех сферах общественной жизни, как на страновом, так и на глобальном уровне. В ситуации дезориентированности, в которой находились национальные правительства весной 2020 г., были приняты беспрецедентные меры по закрытию государственных границ, что привело к прекращению или резкому сокращению миграционного притока. Однако достаточно скоро выяснилось, что зависимость целого ряда отраслей экономики от мигрантского труда столь значительна, что требует существенного смягчения/снятия наложенных ограничений. Тем самым управленческие структуры сталкиваются с серьезным вызовом, а именно: необходимостью выбора такого курса в миграционной политике, который отражает разумный баланс между императивами социально-экономического развития и императивами безопасности в сфере здравоохранения. В настоящее время тема разрабатывается такими авторами, как Катлин Ньюланд, Раймонд Гаспар, Денис Вессельбаум, Йонас Бергманн.

Основная цель исследования: проанализировать, как выглядят глобальные миграционные потоки в ситуации, сложившейся после пандемии КОВИД-19; такой анализ, в свою очередь, позволит описать тренды, которые будут определять процессы международной миграции в обозримом будущем.

Основные фундаментальные и прикладные задачи, решаемые в рамках исследования, состоят в том, чтобы:

- Описать, как изменились структурные параметры международных миграций в результате пандемии КОВИД-19 (с точки зрения, направлений, объема и состава миграционных потоков; объема денежных переводов и т.д.);
- Проанализировать распределение и перераспределение потоков в связи с такими факторами как закрытие границ и другие ограничительные меры, обусловленные опасностью заражения;
- Понять основные тренды в процессах международной миграции, которые будут определять развитие этих процессов в среднесрочной и долгосрочной перспективе;
- Проанализировать, как трансформируется глобальная миграция в результате экономической рецессии, связанной с пандемией.

Объектом исследования являются международные миграционные потоки в условиях КОВИД-19

Столкнувшись с пандемией КОВИД-19, большинство индустриально развитых государств пошло на беспрецедентные меры по ограничению мобильности. Весной 2020 г. ряд стран практически закрыли свои границы для въезда. Это не могло не повлечь за собой резкого сокращения миграционных потоков. У многих наблюдателей возникло впечатление, что человечество вступило в новую эпоху с точки зрения характера глобальной мобильности вообще и миграционного регулирования в частности. Раздавались голоса о радикальном изменении отношения наций-государств к использованию труда мигрантов и переориентации на национальную рабочую силу [1,2]. Насколько оправданными оказались подобные прогнозы? В какой мере Пандемия вообще повлияла на глобальную мобильность населения? И привела ли она к существенным трансформациям в миграционной политике? Ниже мы попытаемся дать ответ на эти вопросы.

Оглядываясь сегодня на поведение большинства государств в ситуации Пандемии, можно вычленить следующие этапы реакции на возникший вызов.

Этап первый - *примат безопасности* (с февраля по апрель 2020 года). Для него характерны жесткие ограничения международной и локальной мобильности: закрытие школ и офисов, полные локдауны и т.д [3]. Очевидно, что это не могло не сказаться на объемах миграционных потоков¹.

Практика, однако, показала, что подобная реакция была чрезмерной и не всегда эффективной. Кроме того, статистика демонстрирует, отсутствие четкой связи между силой миграционных потоков и числом зарегистрированных случаев заражения. Таким образом, международные ограничения мобильности как таковые не ведут к снижению риска заболевания, а значит – не имеют прямого отношения к решению проблемы нагрузки на систему здравоохранения².

Этап второй - *адаптация* (с конца весны 2020 до 3-4 квартала 2021 года). В этот период государства разделились на два основных лагеря. Одни придерживались стратегии нулевой толерантности к КОВИД-19. Их границы были полностью закрыты для въезда (а иногда и выезда), контакты заразившихся лиц отслеживались и т.д.³ Другие пытались найти баланс между интересами безопасности и сохранением экономической активности. В этой группе стран с каждой новой волной ограничения мобильности вводились все позже, неохотнее и лишь при высоких уровнях заражений. Первый подход был более характерен для Восточной и Юго-восточной Азии, стран Тихого океана, второй – для Европы, Африки и обеих Америк. Отдельно отметим, что подход нулевой толерантности заметно утратил

¹ Подробнее об этом ниже

² В лучшем случае такие меры могут отложить первоначальный всплеск заболеваемости на 2 недели.

³ Наиболее показателен пример Австралии, где значительные ограничения на международную мобильность сохранялись около двух лет до конца марта 2022 года.

свою актуальность после появления высоко заразных штаммов вируса. Сегодня его применение в отдельных странах обусловлено в первую очередь локальными политическими причинами, а не реальной эффективностью.

Этап третий – *сосуществование* с Ковид-19 (с начала 2022 года). С появлением высоко заразных штаммов вируса, значительным распространением вакцин и осознанием того, что пандемия – надолго развитые страны начинают переходить от сдерживания к рутинизации ситуации⁴. На практике это означает отмену большей части ограничений и требований, регулярную вакцинацию населения, повышенные инвестиции в здравоохранение и фокусировку на экономическом восстановлении. Такая рутинизация, помимо прочего, требует создания некой системы социальных гарантий и сервисов, распространяющихся на всех пребывающих на территории той или иной страны независимо от их гражданства и правового статуса.

Дизайн ограничений (и их популярность) также трансформировались. С конца весны 2020 г. такие меры как закрытие школ, офисов, прекращение работы предприятий и различные ограничения мобильности постепенно теряют популярность. Если локдауны и вводятся, то в масштабах отдельных регионов, а не стран. Вместе с тем повсеместно распространилось требование ношения масок (в первоначальном пакете мер не игравшее какой-либо значительной роли).

Чтобы проиллюстрировать контраст между этапами в реагировании государств на Пандемию, приведем следующие цифры. В мае 2020 года в мире действовало 63 тыс. ограничений на передвижение, связанных с covid-19, из них более 45 тыс. (более 70%) - запреты на въезд лиц с определенных территорий. В конце марта 2022 года ситуация кардинально иная [6]. Из 110 тыс. действующих ограничений более 80 тысяч представляли собой не полные запреты, а дополнительные требования к въезжающим. Большая их часть (примерно 80%) связана с требованиями к состоянию здоровья путешественника (как правило — это сертификат о вакцинации, отсутствие симптомов заболевания и/или отрицательный результат ПЦР-теста).

География ограничений заметно разнится. Так, подавляющее большинство (более 90%) действующих ограничений в странах Северной и центральной Америки, Карибского бассейна и Африки ниже Сахары – дополнительные требования к путешественникам. На Ближнем востоке, в странах Магриба и Южной Америке доля запретов – порядка 15-20%, в странах Европы и Центральной Азии - порядка 25%. Исключением из общего тренда являются остальные страны Азии и Океании, где доля запретов до сих пор составляет порядка

⁴ Например, планы «сосуществования» были представлены в Великобритании и Сингапуре. [4,5]

40%. Иными словами, в отличие от первых месяцев пандемии, в настоящее время международная мобильность и миграционные потоки в разных регионах ограничены по-разному. Если в принимающих странах Европы и Северной Америки можно говорить о постепенном восстановлении потоков в начале 2021 года⁵, то, например, «крепость Австралия» в прошлом фискальном году впервые со Второй мировой войны отметилась отрицательным миграционным балансом [8], схожая картина вероятно будет наблюдаться и по итогам текущего года.

⁵ А в отдельных случаях и к его началу. Например, миграция в Канаду достигла доковидных показателей уже в первом квартале 2021 года. [7]

1. Основные характеристики международных миграций накануне и во время пандемии

В декабре 2019 года в городе Ухань в Китае впервые была зафиксирована вспышка заболевания SARS-CoV-2, широко известного как COVID-19. В конце января ВОЗ объявила эту вспышку «чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение», а уже к концу марта – пандемией.

Пандемия стала одним из ключевых событий начала 21 века, а меры, предпринятые для борьбы с ней, отразилась на всех сферах жизни, и даже за ее пределами – от переоценки глобализации, до дельфинов в венецианских каналах. Развитие человечества привело к тому, что для большинства его представителей был решен вопрос сохранения себя в базовой безопасности, что бесспорно положительная тенденция. Пандемия, в свою очередь, очень явно продемонстрировала до какой степени мы теперь стали нетерпимы к угрозам безопасности – что, к примеру, даже в зрелых демократических странах граждане не просто готовы были отказаться от части своих гражданских прав, но и требовали их ограничения от своих правительств – ради обеспечения безопасности.

Статистически в 2020 году миграционные потоки были значительно слабее, при этом Пандемия по-разному повлияла на разные виды миграции. Всего в страны G20 в 2020 году прибыло 7-7.5 млн. международных мигрантов, что на 30-40% меньше средних показателей за последние 10 лет [9]. Свободная миграция, миграция по рабочим визам и гуманитарная миграция пострадали меньше всего (сокращение на 17%, 24% и 23% соответственно). Значительно сократилось число временных работников⁶ (на 58%), по линии воссоединения семей произошло падение на 36% [10]. Число натурализаций также сократилась – по предварительным данным на 17%.

В ЕС по итогам 2020 года на 24% уменьшилось число выданных разрешений на пребывание, число поданных заявок на предоставление убежища упало примерно на треть (с 631 до 417 тыс.); шенгенских виз было выдано почти в 6 раз меньше, чем годом ранее, сократилось и число выдворений с территории Евросоюза [11].

Похожее сокращение миграционных потоков произошло и в России. Так в сравнении с 2019 годом по итогам 2020 года в Россию прибыло на 16% (~105 тыс. человек) меньше, чем годом ранее, а убыло из страны на 17% (~70 тыс. человек) меньше, чем годом ранее. Общий миграционный прирост упал более чем в 2 раза (с 285 тыс. чел. до 124 тыс.) [12].

⁶ Их место, по всей видимости, заняли уже находившиеся в стране мигранты, потерявшие работу в других отраслях экономики.

Однако усредненные данные не совсем показательны. В качестве примера возьмем ЕС: в 19 странах объединения число выданных разрешений на въезд действительно сократилось. В некоторых случаях даже более значительно: так в Германии число выданных рабочих и студенческих виз сократилось на 70 и 69% соответственно, в Италии было выдано на 58% меньше студенческих виз и на 48% меньше виз по линии воссоединения семей. На другом полюсе - Литва (+131% выданных разрешений на работу), Венгрия (+70% в той же категории), Испания (+ 66% разрешений на работу, но при этом на 28% студенческих виз меньше) [11:496].

К тому же значительное сокращение притока мигрантов далеко не во всех случаях означает падение их общего числа на территории той или иной страны, т.к. возвращение мигрантов на родину также было осложнено. В этом контексте распространенной мерой правительств стало продление разрешений на временное пребывание и работу для мигрантов уже находившихся на территории стран – для того, чтобы не допустить их иррегулярного статуса.

В этой связи возникла и проблема с потерявшими из-за пандемии работу мигрантами, которые в силу ограничений и/или стоимости путешествия не смогли вернуться на родину⁷. На июль 2020 год было зарегистрировано примерно 3 миллиона мигрантов, потерявших работу и не способных самостоятельно вернуться домой. Обратим внимание читателя на программы MOM, направленные на помощь в возвратной миграции – такие, в частности, как Assisted voluntary return (AVR). Всего в 2020 году они помогли вернуться домой примерно 200 тысячам мигрантов, ограниченных в мобильности. Эти программы привлекли к себе внимание и, возможно, именно они станут постоянно функционирующим инструментом в системе международной мобильности, где национальные правительства зачастую самостоятельно не справляются с организацией возвращения своих граждан на родину⁸, а принимающие страны считают это личными проблемами работников.

Выделим *четыре категории миграционных потоков* (учеба, вынужденная миграция, воссоединение семей, работа) и оценим, какое влияние пандемийные ограничения оказали на каждую из них.

Студенческая миграция

⁷ Отметим, что в 2020 году большую чем обычно долю составила миграция внутри конкретных регионов, сложные миграционные маршруты потеряли популярность.

⁸ запущенные в пандемию национальные программы по содействию возвращению на родину были малоэффективны или ориентированы на состоятельных соотечественников и людей в краткосрочных поездках.

В 2020 году мобильность международных студентов подпала под общие ограничения. По итогам года общее падение числа выданных студенческих виз составило 40%, а в США и Канаде достигло 70%, значительная часть образовательных программ была отложена или приостановлена [13]. Однако к концу года значительная часть стран G20 (в первую очередь, Канада и страны ЕС) подняли приоритет выдачи студенческих виз, ввели послабления при подаче документов, увеличили допустимое количество рабочих часов по студенческим визам и запустили разнообразные грантовые программы поддержки студентов. Основные административные меры – онлайн обучение и перенос старта программ на следующий календарный год. Главный вопрос на сегодняшний день – насколько живучим окажется онлайн компонент обучения в программах высшего образования.

Вынужденная миграция

Число вынужденных переселенцев⁹ с 2010 года выросло вдвое и, вероятно, достигло 80 млн человек в 2020 году. При этом пандемия не замедлила (а скорее всего только ускорила) рост их числа, однако в силу закрытых границ количество заявок на предоставление убежища в странах G20 несколько упало (так по линии Управления Верховного Комиссара по делам беженцев (UNHCR) в 2020 году поступило на 52% меньше заявок, чем годом раньше). Темпы переселения и до пандемии отставали от роста числа нуждающихся, а пандемия только усугубила проблему. Например, в рамках программы ООН было переселено всего 35 тысяч человек (примерно треть от уровня в 2018 и 2019 годах), при общей оценке в 1.4 миллиона беженцев, нуждающихся в переселении [14].

География также изменилась. Так, общее число заявок на убежище в ЕС значительно упало. Однако в первую очередь это касается четырех крупнейших принимающих стран: Германии, Франции, Греции и Италии, в то время как в значительной части стран ЕС-27 (в основном это государства Восточной Европы и Португалия) уровень заявок сопоставим с доковидным, а в Австрии, Румынии, Болгарии и Хорватии на отрезке 2020-2021 наблюдался лишь небольшой прирост по сравнению с 2018-2019 годами [11:500].

Иррегулярная миграция в ЕС в 2020 году снизилась незначительно, а за первые 9 месяцев 2021 года выросла на 78% в сравнении с 2020-ым. Значительное сокращение наблюдалось только в Восточном средиземноморье [11:502]. Отметим, что потоки все больше ориентируются на сухопутное преодоление границы, а морские пути постепенно теряют популярность (75% всех случаев нарушения границы по морю в 2019 году и лишь 57% за первые 9 месяцев 2021 года).

⁹ Отметим, что к этой категории относятся не только беженцы, но и «внутренне перемещенные лица» (IDP).

Миграция по линии воссоединения семей

Миграция этого типа наиболее сильно пострадала от Пандемии. Даже в тех случаях, когда официально на фоне запретов на въезд вводился особый порядок воссоединения семей, зачастую механизмы работали плохо или информация для потенциальных соискателей была недостаточной¹⁰. В качестве примера можно привести Канаду. В первые полгода после начала Пандемии само по себе близкое родство иностранного гражданина с гражданином или резидентом Канады не считалось обоснованной причиной для въезда в страну. Первые изменения были внесены спустя полгода: с октября 2020 г. доступ в страну был открыт для партнеров граждан Канады и резидентов, их детей, внуков, братьев, сестер, бабушек и дедушек. Отметим, что позднее такие поправки к законодательству появились и в большинстве других индустриально развитых стран.

Трудовая миграция

Наибольшим вниманием со стороны управляющих ведомств в 2020-2021 годах пользовалась миграция рабочей силы. По имеющимся оценкам, в 2019 г. международные трудовые мигранты составляли 5% (169 млн чел) всей рабочей силы, 66% из них работали в сфере услуг, 27% в промышленности и 7% в сельском хозяйстве [16]. При этом 2/3 таких мигрантов сконцентрированы в странах с высоким уровнем дохода. Так, в странах ОЭСР почти четверть всех врачей и около 16 % младшего медицинского персонала родились за пределами страны работы. По ЕС-27: мигранты - 13% от общей массы всех занятых в ключевых отраслях, а в некоторых странах до четверти (Ирландия, Швеция, Австрия, Германия). На другом полюсе Польша, Румыния и Болгария, где такой статистики не нашли. Мигранты составляют 80% сезонных работников в сельском хозяйстве Франции, от 50 до 80% рабочих в мясной промышленности Германии и т.д. Иными словами, их присутствие значимо не только во второстепенных, но и в ключевых сферах рынка труда ведущих стран мира. Пандемия привлекла внимание к тому, что ключевые отрасли многих развитых стран без труда мигрантов нежизнеспособны, а значительная часть этих работ невозможна в удаленном формате. Это заставило принимающие страны на первом этапе разрабатывать меры по целевому привлечению иностранной рабочей силы в отрасли, где ее не хватало на момент введения ограничений мобильности¹¹. Хорошим примером является США: когда в большинстве секторов выдача временных рабочих виз кардинально сократилась (в разы или даже

¹⁰ Например: [15]

¹¹ В первую очередь это касается отраслей, для которых характерна сезонная работа и трудовые мигранты не приезжают в принимающую страну на несколько месяцев ежегодно.

десятки раз), в сельском хозяйстве их объём оставался почти на том же уровне, каким был в 2019 г [9].

Кроме того, на фоне пандемии становится все больше программ по привлечению определенных категорий квалифицированных специалистов в различные страны. Например, Финляндия впервые в истории объявила о намерении ввести целевые показатели привлечения отдельных категорий мигрантов¹².

В целом по странам ОЭСР сокращение потоков постоянной миграции достигло более 30% в 2020 году – примерно до 3,7 млн человек, что является самым низким уровнем с 2003 года. Все категории постоянной миграции продемонстрировали падение в 2020 году, при этом семейная миграция испытала наибольшее снижение. Перемещение внутри ЕС по предварительным оценкам пострадали меньше – на 17% [17].

Временная трудовая миграция также резко сократилась во всех странах OECD в 2020 году, особенно в Австралии (-37%), Канаде (-43%), Японии (-66%), Корее (-57%) и в США (-37%). Также снизились переводы внутри компаний – на 53%, а поток сезонных сельскохозяйственных работников сократился лишь на 9%, а в основных странах, принимающих сельхозработников (США, Польша) даже увеличился. Количество выданных разрешений на учебу сильнее всего сократилось в США и Канаде (на 70%), и в среднем на 40% в остальных странах OECD [17].

На 31% также сократилось и количество заявлений о предоставлении политических убежищ в странах OECD, что обозначило самое серьезное падение с конца балканского кризиса в 1990 году. В докладе также отмечается, что в 2020 году было переселено 34 тысячи беженцев, что на две трети меньше, чем в предшествующем 2019 [17].

¹² Цель – увеличить приток студентов в 3 раза и трудовых мигрантов в 2 раза к 2030 году. [17]

2. Ключевые изменения в миграционной политике принимающих стран

Экономический спад, вызванный пандемией COVID-19, оказал разрушительное воздействие на государственные экономики, работников и домохозяйства, однако влияние кризиса непропорционально сказалось на различных группах населения. В контексте изучения миграции, мигранты с большей вероятностью остались без работы в результате рецессии. Статистика по Соединенным Штатам, предоставленная Институтом Миграционной Политики, демонстрирует следующую динамику: в апреле 2020 уровень безработицы среди мигрантов составлял 16,4% против 14% среди коренного населения; в июне 2020 уровень безработицы сократился для обеих групп, однако разрыв увеличился с 2,4% до 3,1% [18]. Наиболее уязвимыми среди мигрантов оказались женщины – самый высокий уровень безработицы в 2020 для этой группы населения составил 18%, против 5% в январе 2020 [18].

Причины диспропорционального воздействия безработицы на мигрантов объясняется тем, что мигранты, как правило, имеют относительно низкий уровень образования и преимущественно заняты в тех секторах экономики, которые более других пострадали от пандемии (туризм, гостиничный бизнес, работа по дому, розничная торговля) [19].

Потеря работы для мигрантов также губительна для домохозяйств и сообществ за счет денежных переводов, получающих поддержку на родине. По оценкам ООН на 2019 год, 800 миллионов человек (или каждый девятый человек в мире) полностью или частично зависят от денежных транзакций [20]. Денежные переводы мигрантов также позволяли поддерживать локальные экономики стран-отправительниц мигрантов, таким образом сокращение финансовых переводов может вызвать цепную реакцию на местных рынках.

Ранние меры борьбы с пандемией коронавируса были сконцентрированы на случаях заражения и летальности, а также на возможностях систем здравоохранения. Позднее больше внимания стала получать и экономическая часть кризиса – на первый взгляд менее пугающая, однако с гораздо более суровым потенциалом. Экономические потрясения разрушили не только образы жизни и сообщества, но и в конечном итоге могут стоить большего числа человеческих жизней, чем сама вспышка вируса. Наименее благополучные страны страдают сильнее – их ахиллесовой пятой становится зависимость от денежных переводов трудовых мигрантов, прежде способствовавших экономическому росту. Трудящиеся за границей мигранты, возвращаясь домой или оставаясь за границей, становятся экономическим бременем своей семьи, а не опорой.

Домохозяйства, получающие денежные переводы инвестируют в лучшее питание, образование, условия жизни, но преимущества миграции выходят далеко не только посылаемые мигрантам денежные переводы – образование сообществ и сетей диаспор также

способствовало обмену знаний и технологий, торговле и инвестициям [21]. Радикальное замедление миграционных процессов может замедлить или даже отменить достижения горизонтальных связей. Восстановление или замещение денежных переводов играет большое значение для восстановления экономик стран происхождения мигрантов, особенно стран с наибольшей зависимостью от таких переводов. Оценки потенциала долговых кризисов Международного Валютного Фонда относят государства с зависимостью от денежных переводов в 5 и более % ВВП к группе риска платежного баланса [22]. Отчасти эти условия способствовали возникновению кризиса на Шри-Ланке в 2022 [23].

Реакция Европейского Союза на пандемию проявилась в солидарном стремлении к закрытию границ для ограничения перемещения людей. Выводы о принятии решений в ЕС сформированы на основе данных Национально центра компетенций в области научных исследований (NCCR) [24]. Набор данных демонстрирует, что все европейские страны закрыли свои границы для несущественных поездок к концу марта 2020 года. Жесткие ограничения трансграничной мобильности, однако, не обязательно сопровождалась ограничениями внутренней мобильности, такими как карантин, комендантский час и прочие. К примеру, Венгрия, Эстония и Литва закрыли свои границы, при этом не ограничивая внутреннее перемещение, в то время как Франция, Италия и Испания ограничили внутреннюю мобильность раньше, чем ввели ограничения на границах.

Все тот же набор данных, включающий 27 европейских стран, показывает, что во второй половине апреля 2020 страны вводили некоторые ограничения и на внутреннюю мобильность, хотя меры значительно отличались [24]. Ирландия и Великобритания выделялись как единственные страны европейского континента, которые не вводили ограничений на международные поездки. Исследователи проекта СММР полагают, что такое решение было связано с отсутствием необходимости, так как количество международных поездок уже было снижено благодаря ограничениям других стран [25].

К середине мая 2020 страны начали ослаблять ограничения на внутреннее перемещение, при этом внешние границы оставались закрытыми.

После начала пандемии в Великобритании в конце марта 2020 года, было введено множество ограничений на передвижение, что сильно повлияло на миграционную систему. Такие меры как закрытие визовых центров, экономическая нестабильность, усиленный пограничный контроль и локдаун – привели к сильному снижению миграционного потока. Так же согласно UKICE [26] было выдано меньше виз по всем категориям миграции.

Исследования динамики и структуры потока миграции в Великобритании затруднены, так как основной источник данных о потоке мигрантов – опрос международных пассажиров – был приостановлен в связи с пандемией. Исследователям пришлось обращаться

к другим доступным инструментам опроса населения, которые, хотя и не оценивают непосредственно поток миграции [27], позволяют сделать некоторые выводы. Для этого мы обратимся к исследовательской статье Мэдалин Самптон [28] в которой автор рассматривает параметры миграционных потоков Соединенного Королевства, и делает выводы, оговорившись, что имеющиеся данные ограничены.

Самптон приводит данные Labour Force Survey (LFS), согласно которым, число мигрантов, проживающих в Великобритании в 2020 году, сократилась, в частности в третьем квартале 2020 года расчетная численность иностранных граждан составила 8,3 миллиона человек, что по сравнению с 9,2 миллиона человек в том же квартале годом ранее представляет собой снижение на 10%. Однако существует значительная неопределенность в отношении этих оценок и веские причины полагать, что они не вполне точны. Даже не учитывая неопределенность, связанную с пандемией, данные, предоставляемые LFS, показывали полную картину миграции только спустя некоторое время [29], так как не охватывали мигрантов, живущих в коммунальных учреждениях, а также не вполне эффективно учитывает новоприбывших мигрантов.

Если же мы учтем постпандемийные ограничения, то это приведет нас к следующей проблеме, отмеченной Самптон – а именно, что мигранты могли оказаться недопредставленными в опросах [28]. Здесь влияние на сбор данных оказала сама пандемия с сопутствующим ей ограничением на социальное приближение. До пандемии многие опросы в Великобритании проходили лично с интервьюируемым, при новом же методе сбор данных проводился по телефону, что могло сделать опрос непропорциональным, так как у мигрантов далеко не всегда есть доступ к городской телефонной сети. Кроме того, мигранты в целом не склонны участвовать в опросах из-за языкового барьера и недоверия к социологическим службам. Все это позволяет усомниться в выводах из данных LFS. Сокращение мигрантов на 10% могло быть вызвано не эмиграцией, а сокращением числа респондентов.

В пользу последнего предположения говорят сами данные LFS, полученные из опросов, где респондентов рекрутируют для участия в нескольких волнах опросов. С поправкой на стандартный процент выбывающих между волнами опросов, можно выявить снижение респондентов из-за рубежа на 0,7%, что в пересчете на население Великобритании (количество так же сложно оценить в точности) составляет 580 тысяч человек, и существенно отличается от других оценок LFS [28].

Совершая оценку групп населения, покинувших Британию, Самптон делает несколько теоретических предположений, касательно того, какие именно категории населения с большей вероятностью покинут страну [28]. Такие категории можно выявить по объ-

единяющему признаку – малое количество привязанностей. Иными словами, люди, в большинстве своем приехавшие недавно, молодые, без детей обладают большей мобильностью чем другие. С учетом теоретических предположений, данные хотя и выглядят правдоподобно, оставляют пространство для интерпретаций. Например, недавно прибывшие люди могут быть не представлены в опросе как по причине отъезда, так и потому, что избегают участия в опросах по новой методологии из-за языкового барьера. Также, по некоторым данным семьи с несовершеннолетними детьми школьного возраста составили больше половины от всех эмигрировавших мигрантов, что крайне маловероятно и скорее свидетельствует о недостаточной репрезентации таких семей в исследованиях [28].

Касательно изначального месторождения мигрантов данные представлены по выходцам из ЕС и не из ЕС, которые свидетельствуют, что процент выходцев из ЕС сократился на 0,5%, а не Союзных мигрантов на 0,9% [28].

Мы можем подвести итог, что пандемия в Великобритании сильно затруднила апробацию данных. Некоторые выводы могли быть сделаны на самых ранних этапах пандемии, но точные оценки оказались затруднены в значительной степени. Все это создало существенную неопределенность в отслеживании динамики и трендов. Таким образом некоторые изменения, которые мы увидим при сравнении данных, будут реальными, но некоторые будут связаны с погрешностями, вызванными пандемией.

Чтобы понять, что произошло с мигрантами в Великобритании на самом деле, нам следовало бы обратиться к другим источникам данных, не затронутым описанными выше проблемами. Один из вариантов — это перепись населения, проведенная в первой половине 2021 года (в Шотландии в 2022 году), данные которой будут доступны через год после завершения. Это не решит всех обсуждаемых проблем, но сможет в значительной степени пояснить картину.

В России, как и в остальном мире, ограничения, связанные с COVID-19, значительно отразились на всех сферах социальной жизни. Ограничения трансграничного сообщения, и приостановка работы большинства отраслей экономики поставили мигрантов и их семьи на территории России в очень непростое положение, а закономерное снижение занятости (особенно в сферах, преимущественно занятыми мигрантами) сделало иностранных граждан одной из наиболее социально уязвимых групп населения [30]. Пандемия принесла собой принципиально новую ситуацию – если до пандемии численность мигрантов определяла экономическая ситуация в России, то после распространения ковида экономическая ситуация в странах-отправительницах стала более влиятельным фактором для отъезда – иными словами пандемия увеличила предложение мигрантов на границах с Россией, но закрытые границы не позволяли этому предложению реализоваться.

Судить о количестве мигрантов, оказавшихся запертыми на родине, позволяют данные Министерства Внутренних Дел, согласно которым на учет иностранных граждан, прибывших с целью работы в апреле — июне 2020 года было поставлено на 1,3 миллиона человек меньше, чем в аналогичный период 2019 года. А по данным Пограничной службы ФСБ, за те же три месяца границу пересекли 1900 соискателей, против 1,2 миллиона иностранцев годом ранее [31].

По оценкам Банка России и Всемирного Банка, ограничение на въезд мигрантов может отразиться серьезными последствиями на благосостоянии тех государств, где объем трансфертов составляет значительный процент ВВП. По отношению к России это прежде всего Армения, Кыргызстан и Таджикистан. Так в 2020, по сравнению с 2019, объем денежных переводов сократился на 30% [32].

Трудовая миграция имеет и другое важное значение для стран-отправительниц, а именно функцию регуляции на рынке труда. Так, для стран с быстрорастущим населением, трудовая миграция помогает ослабить давление на рынок трудоустройства, а в странах со сжимающимся рынком — помогает трудоспособному населению найти работу. По оценкам 2019 года в «Таджикистане в трудовой миграции участвовало 47% рабочей силы, в Кыргызстане – не менее 17,5%, в Армении – не менее 16%, а в Узбекистане – 14%» [30].

Закономерно что в условиях экономической стагнации происходит снижение спроса на рабочую силу, однако этот процесс не является гармоничным – так, отрасли с высокой долей занятости мигрантов, в регионах, и в отраслях сезонной занятости – нехватка рабочей силы может затормозить процесс восстановления.

В связи с коронавирусным кризисом в России ощущается дефицит работников низкой и средней квалификации в строительстве, в коммерческой сфере, на транспорте и складском хозяйстве, а также работников средней и высшей квалификации в сферах бытового обслуживания. Этот эффект уже наблюдался на вершине кризиса, о чем говорит динамика заработной платы. В транспорте, на складах, в домашнем хозяйстве и строительстве заработная плата опрошенных мигрантов увеличилась на 10, 4,8 и 2,9% соответственно в апреле по сравнению с февралем. Об этом также свидетельствуют цифры Росстата: средняя зарплата россиян в сфере перевозок и на складских предприятиях в феврале-апреле выросла на 10,3%, а в строительстве на 0,8%. Это означает, что, с одной стороны, часть рабочих мест, прежде занятых мигрантами, могут быть заняты местными или внутренними мигрантами из России. С другой стороны, рост зарплат будет отражен в конечной продукции, а значит может привести к росту стоимости товаров и услуг в тех сферах экономической деятельности, где мигранты занимают (или занимали) значительную часть рабочей силы.

Наиболее важным направлением миграционной политики в долгосрочной перспективе следует считать **признание роли работников-мигрантов в экономике**¹³ и **трансформацию национальных систем социальных гарантий** с целью включения в них трудовых мигрантов, еще не получивших гражданство или временно находящихся в стране. Эта политическая и административная установка, в свою очередь, означает необходимость государственных усилий, нацеленных на социальное включение мигрантов. Акценты в миграционной политике смещаются из внешнего измерения (разрешения на работу, визы, логистика, etc.) во внутреннее (условия пребывания, доступные сервисы и информирование, социальные гарантии и лифты для мигрантов внутри страны).

В рамках данной логики стоит отметить несколько показательных кейсов¹⁴.

1. Южная Корея распространила действие больничных листов¹⁵ на мигрантов, нуждающихся в карантине [33].
2. Саудовская Аравия предоставила доступ к скорой медицинской помощи, тестированию на КОВИД и лечению для всех мигрантов, включая недокументированных [34].
3. Франция и Испания продлили разрешения на пребывание, дающие доступ к системе здравоохранения для мигрантов, на 3 месяца [35]. Франция также ввела упрощенную процедуру предоставления гражданства для мигрантов, занятых в ключевых отраслях экономики [36].
4. Португалия на временной основе предоставила доступ к системе здравоохранения и соц. защиты беженцам и другим недокументированным мигрантам.
5. Бразилия ввела минимальный базовый доход на 3 месяца, распространяющийся на работающих мигрантов независимо от легальности их статуса [37].

Кроме того, в связи с необходимостью социального дистанцирования актуализировался и вопрос о жилищных условиях мигрантов, зачастую исключаящих подобную возможность и подвергающих их дополнительному риску. Также, чрезвычайно важна проблема вакцинации мигрантов. Последняя жизненно необходима фактически, но ее сложно осуществить юридически, поскольку в большинстве стран не предусмотрены социальные гарантии для неграждан. При этом во многих странах исхода уровень вакцинации доста-

¹³ Европейский комиссар по внутренним делам И. Юханссон: «Мы не можем сражаться с вирусом без мигрантов. И наши экономики не восстановятся без мигрантов. Мигранты не «Они», они часть «Нас». Цит. по [11:485]

¹⁴ На этом этапе речь идет о временных мерах, но стоит ожидать их постепенной «регуляризации»

¹⁵ А соответственно и денежные выплаты

точно низок, в таких условиях ограничения на въезд в развитые страны, включающие требование предъявить сертификат о вакцинации признанной вакциной или результаты ПЦР-теста становятся еще одним барьером для мигрантов

Помимо этого, особенно тревожна ситуация с вакцинацией беженцев. В Пакистане, на территории которого находится порядка 4-5 миллионов беженцев, в государственную программу вакцинации попало лишь около 1.4 млн. чел. [38]. Равным образом в Иране, где размещены миллионы беженцев, к ноябрю 2021 г. было вакцинировано всего 14% из них. Причина в том, что они не попадают в плановые программы по вакцинации из-за полулегального статуса или отсутствия удостоверения личности. Осенью 2021 года Управление ООН по делам беженцев информировало о дефиците в 617 млн долларов, необходимых для полной реализации программы вакцинации беженцев [38]. Таким образом, недостаточный доступ к вакцине в странах Юга влечет за собой две глобальных проблемы. Во-первых, это в значительной мере тормозит локальное постковидное восстановление. Во-вторых, это оказывает негативное влияние на миграционные потоки: ведет к их сокращению, уходу части мигрантов в тень, росту числа фальшивых сертификатов о вакцинации и т.д., возрастающим барьерам для выхода мигрантов на рынок труда.

Одним из важных компонентов миграционной политики постпандемийной эпохи является **регуляризация миграции** (выведение трудящихся мигрантов из серой зоны). Изменения, открывающие рынок труда для легально находящихся на территории страны без рабочей визы мигрантов¹⁶, произошли в Колумбии, Чили, Италии, Бельгии, Финляндии, Греции, Швеции, и Японии [17].

В этом же контексте следует упомянуть программу ЕС по интеграции и включению на период с 2021-2027 г.г. [39]. Основными мерами в рамках данной программы являются облегчение доступа мигрантов к образованию разных уровней, рынку труда и признанию квалификаций, системе здравоохранения, а также обеспечение достойных условий проживания (программы «доступного жилья»). Отдельно выделим последнюю инициативу Еврокомиссии относительно миграции, анонсированную в апреле 2022 года. Ее основные положения: объединение разрешений на пребывание и работу, упрощенная процедура получения статуса резидента, запуск общеевропейской платформы по поиску вакансий и найму работников, специальные программы по привлечению специалистов из-за рубежа и упрощенный доступ в ЕС для новаторов [40].

¹⁶ Речь в первую очередь идет о прибывших на территорию стран по типам виз, не позволяющим работать.

Кризис, вызванный Пандемией, позволил привлечь внимание к давно назревавшей проблеме доступности социальных сервисов для мигрантов и начать дискуссию о возможном пересмотре общественного договора. В новой реальности такой договор должен гарантировать базовые сервисы (так называемый нижний уровень социальных гарантий¹⁷) не только гражданам страны, но и легально находящимся на ее территории мигрантам (в первую очередь трудовым). Здесь необходимо отметить, что по данным ОЭСР в последние десять лет уровень расходов принимающих стран на мигрантов был значительно ниже, чем экономическая польза от их деятельности [42].

Наконец, стоит отметить, что Пандемия способствовала **ускорению цифровизации миграционного регулирования**. Так, интервью с соискателями убежища стали проводить в онлайн формате. Схожая ситуация характерна и для процесса выдачи виз и разрешений на работу. В 2020 году отдельные страны G20 начали вводить е-визы и запускать электронные платформы для подачи документов онлайн. В числе таких стран Австралия, Канада, США, Турция, Индия, Южная Африка и др.¹⁸ В онлайн-формат во многих государствах также перевели (полностью или частично) интеграционные курсы для мигрантов. Следует, однако, понимать, что многие мигранты не имеют доступа к электронным сервисам (или не имеют навыков пользования ими), поэтому полный переход процедур в онлайн является для них угрозой. Учитывая это обстоятельство, ряд стран (Австралия, Финляндия и др.) ввел дополнительные интеграционные курсы повышения компьютерной грамотности [13]. Другой характерный тренд последних двух лет – создание особых типов узконаправленных рабочих виз. В частности, это визы для «цифровых кочевников» - фрилансеров. Такие схемы запустили в Германии, Эстонии, Грузии, Исландии, Португалии, Норвегии, Мексике, Коста-Рике и некоторых других странах [43].

В работе «Гражданство, миграция и мобильность в условиях пандемии (СММР): глобальный набор данных об ограничениях COVID-19 на передвижение людей» [25], подготовленной группой ученых: Lorenzo Piccoli, Jelena Dzankic, Didier Ruedin, представлены данные с 1 марта по 1 июня 2020. Авторы систематизируют информацию о закрытии границ и локдаунах в 211 странах и территориях. В исследовании рассматриваются запреты на международные поездки и исключения из них, а также ограничения внутри стран, такие как ограничения на передвижение без особой необходимости и комендантские часы.

Разные формы (международные и межгосударственные) ограничения передвижения стали основным механизмом государств в деле ограничения распространения пандемии COVID-19. Систематическое исследование применения и последствий таких мер позволит,

¹⁷ Подробнее [6], [37], [41]

¹⁸ [34:31], [13]

помимо прочего, определить какие группы населения оказались в наименее благоприятном положении по итогам ограничительной политикой, а также поможет организациям разработать общие глобальные стандарты для снижения социо-экономического воздействия на человечество в будущем.

Если обобщить меры, применяемые государствами для контроля распространения пандемии, в период с 1 марта по 31 мая 2020 года, то они включали в себя: самоизоляцию, карантин, скрининг и тестирование, медицинские справки, визы и запрет на въезд.

Самоизоляция изначально использовалась как мера ограничения распространения COVID-19 в рамках стандартных процедур для въезда в страну. Однако в дальнейшем, с распространением практики полного запрета пересечения границы (кроме исключений), самоизоляция применялась к лицам (как правило гражданам), на которых не распространялась общая политика закрытых границ.

Карантин, в контексте международной мобильности, во многом похож на самоизоляцию – в одних странах карантин использовался в рамках общих правил пересечения границы, а в странах, закрывших свои границы, карантин использовался для лиц, исключенных из такого запрета. Карантин отличается от самоизоляции тем, что первый проводится в специально подготовленных центрах, тогда как второй предоставляет больше выбора изолируемому.

Скрининг и тестирование использовались как обязательная часть стандартной иммиграционной политики. Въезжающие должны были получать разрешение от санитарного контроля на границе, противном случае им могли отказать во въезде или поместить в обязательный карантин. Средства контроля варьируются от простого измерения температуры тела до проверки симптомов и взятия проб мазков. Эта мера использовалась восемью странами в марте 2020 года, однако ее применение резко сократилось, когда Всемирная организация здравоохранения объявила COVID-19 пандемией, а также потому, что ВОЗ не поддерживала эту меру контроля за распространением заболевания. В мае 2020 некоторые страны снова стали использовать тестирование на границе, но уже для выявления антител.

Медицинские справки стали использоваться в марте, но не получили широкого применения и, как и приграничное тестирование, перестали использоваться в пользу мер, широко ограничивающих пересечение границ. Использование справок начало возобновляться в мае 2020.

Визы. Двадцать стран, в основном расположенных в Азии и на Ближнем Востоке, приостановили выдачу всех виз или ввели систему предварительных разрешений на въезд,

которые до вспышки COVID-19 не требовалось. Восемь стран приостановили визовый режим после закрытия границы; 12 стран сохраняли визовые ограничения в течение апреля и мая 2020 года.

Запрет на въезд в страну первыми был использован 24 января 2020 года Маршалловыми Островами, которые ввели ограничения на поездки для всех лиц, путешествующих воздушным или морским транспортом из Китайской Народной Республики [44]. Число стран, ограничивших пересечение своих границ, увеличилось до 61 к 1 марта 2020 года, 157 — к 1 апреля и 183 — к 1 мая.

Ограничения на въезд не были однородной мерой. Чаще всего страны использовали запрет, таргетируя определенные группы въезжающих. Основными стали следующие критерии: пребывание, гражданство и местожительство.

Под *пребыванием* понимается, что лицо, в течение двух недель до пересечения границы физически находилось в регионе, признанным небезопасной с эпидемиологической точки зрения. Списки таких стран и регионов постоянно обновлялись, и к маю 2020 расширились – некоторые охватывали уже не конкретные регионы, а страны в целом.

Ограничения въезда по признаку *гражданства* чаще всего касались граждан КНР. Авторы отмечают, что ограничения на передвижение, по признаку гражданства может противоречить статье 12 Международного пакта о гражданских и политических правах [45]. По такому же принципу работали ограничения, связанные с *местожительством*, и применялись 6-ю странами на ранних стадиях пандемии.

3. Пандемия и миграционные потоки в России и постсоветском пространстве

Миграционный прирост в России на данный момент характеризуется нелинейным, но медленным сокращением с 2015 г., что свидетельствует о некоторой слабой, но устойчивой тенденции – в Россию прибывает все меньше людей. На сегодняшний день значение миграционного прироста не выходит на прогнозируемые прежде цифры в 250-300 тысяч человек¹⁹. Помимо этого, миграционный прирост также не компенсирует растущую естественную убыль населения. Пандемия усугубила ситуацию – снизилась рождаемость и выросла смертность среди населения, чего миграционный прирост также не смог компенсировать. По данным Росстат, в 2020 г. миграционный прирост компенсировал естественную убыль населения всего на 15,5% (106,5 тыс. человек), однако в 2021 г. это значение за первые три квартала 2021 г. увеличилось уже до 39,7% (268 тыс. человек²⁰).

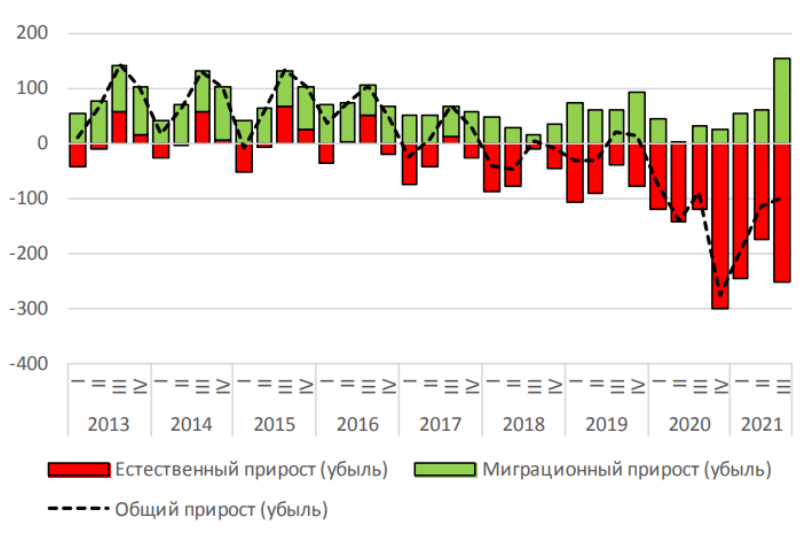

Рис. 1. Изменение численности населения России по компонентам, 2013-2021 гг. (квартальные данные), тыс. человек. [47]

В такой ситуации значений миграционного прироста, характерного для 2010-х гг. оказывается уже *недостаточно для восполнения убыли населения даже наполовину*. В период пандемии коронавируса миграция еще в меньшей степени способствует исправлению демографической ситуации.

¹⁹ Здесь и далее по разделу на материалах доклада: [46]

²⁰ Статистические данные по миграционному приросту за 2021 г. можно считать не в полной мере достоверными, так как с июля для мигрантов было продлено пребывание в России, из-за чего реальные данные о выбытии мигрантов перестали учитываться статистикой, а мигранты были учтены как оставшиеся на территории России. Вероятно, что цифра в 268 тыс. человек в реальности была ниже.

Пандемия COVID-19 оказала значимое влияние на показатели прибытия и убытия иностранных граждан из России. Изменения были связаны в первую очередь с мерами по закрытию международных границ. По этой причине основной спад прибытий в 2020 г. пришелся на апрель-май, после чего показатели вернулись к прежним доковидным значениям, в апреле 2021 г. они были аналогичны значениям 2019 г.

Внутренняя миграция

Согласно статистике, внутренняя миграция в России характеризуется сокращением, начиная с первого квартала 2019 г., что говорит о некоторых тенденциях, не связанных с пандемией COVID-19. С 2018 по 2021 г. долговременная миграционная активность населения внутри страны сократилась на 15% – падение составило более 0,5 млн человек на 2021 г. Процессы снижения внутренней миграции отмечаются и в других странах, однако, как правило, падение на такие значения происходит в течение более длительного периода времени. В случае с Россией причины такого явления остаются неясными. Предположительно они могут быть связаны либо с изменениями в учете внутренней миграции, либо, действительно, с падением миграционной активности населения внутри страны.

В период пандемии отмечался спад значений внутренней миграции во втором квартале 2020 г., который восстановился до нормальных значений в 2021 г. В целом спад составил порядка 25-30% относительно прежних значений.

Иностранные граждане

Пандемия оказала большое влияние на количество прибывших в Россию иностранных граждан. 2021 г. характеризовался значительным по сравнению с прошлыми годами спадом значения численности приезжих, составив наименьший показатель за последнее 10 лет – 6.2 млн человек, по сравнению с 8.1 млн в 2020 г. и 11 млн в 2019 г. Значительнее всего сократилось количество иностранных граждан, прибывших на территорию России с туристическими, деловыми и частными целями, меньше всего – прибывших с образовательными и рабочими целями.

Прибывшие – прежде всего, граждане стран СНГ – порядка 89% (5.5 млн из 6.2 млн человек). Больше всего сокращение прибытия из стран СНГ коснулось граждан Украины, Молдовы и Азербайджана (на 44%, 52% и 53% по сравнению с 2020 г.), при этом небольшой рост прибытия пришелся на страны Средней Азии – Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан. В первом случае значительный спад прибытия наложился на предыдущие тенденции спада миграции из этих стран (в особенности, Украины и Молдовы) с ограничением транспортного сообщения в связи с пандемией.

Трудовые мигранты

Пандемия значительно повлияла на приток трудовых мигрантов в Россию. Если до пандемии, в 2019 г., по данным ФСБ РФ, в Россию с целью работы прибыло 4,1 млн иностранных граждан, то в 2020 г. эта цифра составила уже 1,09 млн человек, сократившись таким образом на 74% (в 3.8 раз). Однако, сокращение не было таким значительным как это указывалось в СМИ. Падение количества трудовых мигрантов относительно доковидных значений составило в среднем порядка 25% в 2020 и 2021 гг. (Таблица 1).

Таблица 1 - Численность пребывающих с целью «работа по найму» в РФ на дату, млн. человек

	1 января	1 марта	1 мая	1 августа	1 октября	1 декабря
<i>2021 год</i>	2,97	2,50	2,68	3,37	3,55	
<i>2020 год</i>	3,90	4,11	4,12	3,99	3,67	3,10
<i>2019 год</i>	3,76	3,97	4,11	4,46	4,39	4,11
<i>2018 год</i>	3,61	3,76	4,10	4,17	4,17	3,94

На конец 2020 г. число действительных разрешений на работу сократилось на 36% по сравнению с предыдущим годом и составило 73 тыс., а число патентов – на 33%, составив 1,14 млн.

В последние годы прослеживается тенденция увеличения количества трудовых мигрантов из стран СНГ, при этом трудовых мигрантов из стран дальнего зарубежья, напротив, становится меньше. Граждане стран СНГ составляют 97% всех трудовых мигрантов в России, из которых 77 % это трудовые мигранты из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Таким образом, можно говорить о том, что трудовая миграция в России все больше становится миграцией из Средней Азии.

Пандемия COVID-19 не повлияла на географическое распределение трудовых мигрантов по регионам России. Основная концентрация, как и прежде, приходится на Москву и Санкт-Петербург (Москва – 29%, МО – 12%, Санкт-Петербург и ЛО – 17%) – порядка 60% трудовых мигрантов.

Достоверно предсказать, какими будут последствия текущего кризиса для миграционных процессов, не представляется возможным в силу слишком большого количества неизвестных. Однако, опираясь на опыт предшествовавших кризисов, можно предположить, что динамика в миграционной сфере будет подчиняться тем же закономерностям, каким она подчинялась в недавнем прошлом. Эти закономерности можно проследить, анализируя

миграционные процессы в ситуации экономического кризиса 2014-2015 г. и кризиса, вызванного пандемией коронавируса в 2020-21 г.г.

Экономическая турбулентность последних лет показала, что (а) местное население не стремится в массовом порядке занять мигрантские рабочие места; (б) миграционные потоки крайне инерционны, их перенаправление требует значительных усилий и времени; (в) характерной особенностью реакции российского рынка труда на кризисы является не столько повышение уровня безработицы, сколько падение реальных зарплат и/или сокращение рабочих часов по отдельным ставкам. Кроме того, международная конкуренция за рабочую силу из стран Средней Азии в последнее десятилетие значительно возросла.

Несмотря на прогнозируемое падение экономики, потребность страны в труде мигрантов сохранится. Принимая во внимание международную конкуренцию за рабочую силу и постепенное снижение конкурентных преимуществ России, необходимы систематические усилия по повышению миграционной привлекательности нашей страны.

Поскольку в текущих условиях миграционный приток в Россию де факто ограничен странами постсоветского пространства, адресатами данных усилий выступают, в первую очередь, страны Средней Азии.

Необходимо в кратчайшие сроки обеспечить возможность легализации статуса иностранных граждан на сайте Госуслуг (такая возможность предусмотрена российским законодательством, однако отсутствует на практике).

Представляется нецелесообразным запускать в публичное пространство проекты замещения мигрантского труда трудом заключенных. Подобные проекты, помимо их нереалистичности, чреваты дезориентацией общественного сознания.

Приведет ли ожидаемое сжатие экономики РФ в 2022-2023 годах к значительному уменьшению миграционного притока из постсоветских стран или большая часть мигрантов предпримет попытку «пересидеть» кризисные годы? Опыт предыдущих кризисов показал, что мигранты (прежде всего из Средней Азии) предпочитают именно последнюю стратегию.

Экономические процессы в России негативным образом отразились на экономиках стран Средней Азии, в значительной степени зависящих от российской экономики. Сокращение трудовой миграции резко отразилось на Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане и сопровождалось ростом безработицы и уровня бедности в странах. В целом падение денежных переводов из России наблюдалось и до пандемии, с 2018 г., для всех стран Средней Азии (Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан, Туркменистан) кроме Узбекистана, однако, в

период пандемии падение денежных переводов стало более чувствительным. Наиболее значительно этот процесс отразился на Таджикистане и Туркменистане, где денежные переводы сократились на треть и наполовину соответственно.

Трудовые мигранты в ситуации пандемии (2020 г.)

Пандемия не повлияла на сферы занятости мигрантов. Большинство мигрантов в 2020 г. в основном были заняты в сфере услуг – 22,9%, реже в строительстве (15,9%), оптовой и розничной торговле (15,4%), в сфере услуг в гостиницах, отелях, общепите и ресторанах (12,9%). Заметнее стало распределение сфер занятости по полу – женщины в 2 раза чаще заняты в сфере услуг и оптово-розничной торговле, чем мужчины, в то время как мужчины значительно чаще, в 30 раз, заняты в сфере строительства.

Вероятно, можно говорить о некоторой тенденции дифференцирования сфер занятости мигрантов по странам происхождения. Граждане Кыргызстана все чаще занимались работать в сферу услуг (30,1%) и реже в сферу строительства (6,8%), в то время как работников из Узбекистана и Таджикистана в этой сфере в среднем раза в три больше (38,2% и 38,6% соответственно). Такие изменения могут быть связаны с качеством знания мигрантами русского языка, а также с тем, состоит ли страна происхождения мигрантов в ЕАЭС.

Граждане Кыргызстана чаще трудоустроивались в организации и на фирмы (74,3%), в то время как к частным лицам чаще всего занимались граждане Таджикистана (36,5%).

Основным способом поиска работ среди трудовых мигрантов оставалось посредничество – об этом сообщили 58,9% опрошенных, а также поиск работы через знакомых и друзей – 12%. В последние годы также наблюдается рост значимости поиска работы через сеть Интернет – в 2020 г. таким образом трудоустроились 15,1% опрошенных.

На сегодняшний день важной проблемой остается большое количество трудовых мигрантов, работающих в России нелегально. Наличие письменного договора о работе указали всего лишь чуть больше половины (54,5%), опрошенных, в то время как около половины опрошенных (45,5%) такого договора не имеют. Чаще всего наличие трудового договора отмечается гражданами Кыргызстана (58%), реже всего у граждан Таджикистана (49,7%). Отсутствие договора большинство мигрантов объясняют отсутствием необходимости в нем (60,8%) и отказом работодателя заключить соглашение (32,4%). Большинство мигрантов получают зарплату наличными без ведомости (43,7%), реже через банк от юридического лица (21,8%).

Исследования за предыдущие годы показывают заинтересованность значительного количества трудовых мигрантов в юридическом закреплении своего пребывания в России. Это связано с тем, что получение защищенного статуса дает возможность минимизировать

риски, связанные с пребыванием и трудовой деятельностью в стране. Согласно данным опроса МОМ за 2020 г., о намерении остаться жить в России на постоянной основе заявили порядка 34,6% опрошенных, о намерении пожить в России некоторое время и затем вернуться домой – примерно столько же (порядка 34%) и только 25,4% указали, что планируют и в будущем приезжать на заработки в Россию на короткое время.

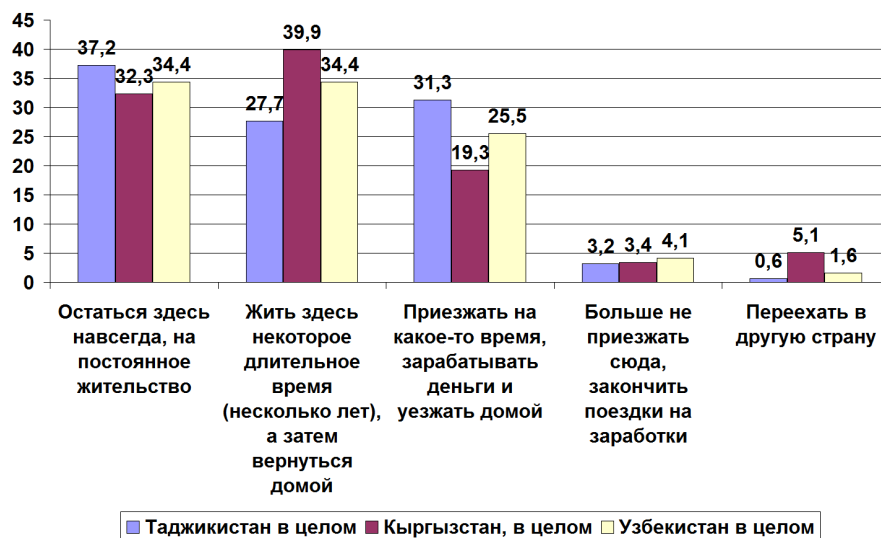

Рис. 2. Миграционные намерения трудовых мигрантов, % [48]

Трудности мигрантов в период пандемии (2020 г.)

Согласно данным опросов 2020 г. среди россиян из-за пандемии по разным оценкам работу потеряли от 10% до 25%, в то время как среди мигрантов эта цифра составила 40-45% [49]. Пандемия также сопровождалась падением доходов среди трудовых мигрантов. По результатам опросов МОМ, большинство мигрантов отметили, что несмотря на уменьшение доходов, не столкнулись с финансовыми трудностями (33,9%), примерно столько же опрошенных (32,4%) указали, что падение доходов сопровождалось финансовыми трудностями, и только у четверти опрошенных (25,4%) пандемия не вызвала никаких изменений в доходах. Проблема нехватки финансовых средств оказалась более выраженной для женщин, чем для мужчин, которые чаще указывали на то, что пандемия не вызвала у них финансовых затруднений.

Вместе с тем наблюдались и обратные процессы. Согласно другим исследованиям, значительная доля мигрантов, оставшихся в России, увеличили в пандемию размер своих доходов. Это касалось, в частности, граждан Таджикистана, которые работали в секторе строительства частных домов, который в пандемию резко вырос.

Среди основных проблем, с которыми столкнулись мигранты – уменьшение заработной платы (43,9%), психологический стресс (35,8%), потеря работы (15,2%), появление долгов (10,7%), ухудшение качества питания (8,6%), другое (в т.ч. болезнь COVID-19) – 5,3%

и ухудшение доступа к медицине – 2,4%. Больше четверти респондентов (27,7%), отметили, что пандемия не привела к изменениям в качестве их жизни. Психологический стресс от пандемии значительно чаще отмечался в качестве проблемы женщинами (44,3%), чем мужчинами (27,6%).

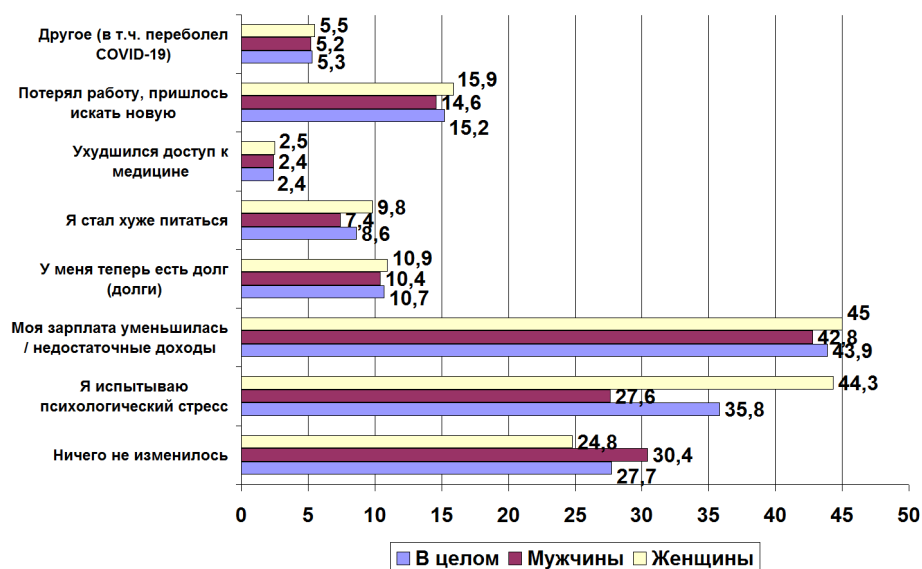

Рис. 3. Проблемы трудовых мигрантов в пандемию, % [48]

В течение 2020 г. только 12% всех работающих мигрантов указали, что не отсылали никаких денег на родину. Однако пандемия оказала влияние на размер денежных переводов, в особенности в апреле-июне 2020 года. За эти два месяца 39% мигрантов не отправили домой ничего, 38% мигрантов отправили домой меньше обычного и только 23% отправили столько же, что и всегда. При этом около половины опрошенных трудовых мигрантов (48%) являются главными кормильцами в семье, треть (35%) обеспечивают семью с другим членом семьи.

Основные источники информации, которыми пользовались трудовые мигранты для получения информации о коронавирусе, была сеть Интернет – этим ресурсом пользовались 85,7% трудовых мигрантов, реже информацию черпали из телевидения, радио и газет (50,1%), от родственников и земляков в России (20,6%), родственников и земляков на родине – 10,2%.

По оценкам Всемирной организации труда, падение притока трудовых мигрантов в странах G20 в 2020 г. составило 40% по сравнению с 2019-ым [49]. Однако общее число данной категории мигрантов осталось на прежнем уровне. Это объясняется перераспределением уже находившихся внутри стран мигрантов на рынке труда в связи с невозможностью вернуться на родину. Кроме того, определенную роль сыграли целевые программы

набора, ориентированные на сезонных работников, медицинский персонал и другие категории особенно востребованных трудовых мигрантов. Эти временные меры, введенные к лету 2020 года во многих странах, трансформировались в постоянные программы рекрутинга.

Согласно статистике по денежным переводам на родину, их объем – вопреки прогнозам – упал в 2020 г. всего на 2% по сравнению с 2019-ым, а в 2021 году наблюдался их рост на 7,3%, что позволяет говорить о значительном восстановлении миграционных потоков уже в период Пандемии [50].

Однако впечатление стабилизации на рынке труда развитых стран обманчиво. Старение населения ведет к тому, что ситуация на рынке труда ухудшается, простого поддержания прежнего числа трудовых мигрантов в современных реалиях недостаточно. Так дефицит работников на рынке труда в США к началу 2021 года увеличился на 3 млн чел. по сравнению с предыдущим годом [51], Канада и Австралия были вынуждены запустить дополнительные программы по привлечению мигрантов для постковидного восстановления экономики и поддержания баланса на рынке труда [52-53]. Схожие задачи ставят перед собой и многие страны Европы [13].

Заключение

Со второй половины 2020 г. наблюдается постепенное сокращение миграционного прироста населения России. На сегодняшний день *миграционный прирост не способен компенсировать масштабы естественной убыли населения, особенно драматично возросшие в период пандемии*. Ожидается, что миграционные потоки в скором времени постепенно вернуться на доковидный уровень, однако этих значений в любом случае явно недостаточно.

Трудовая миграция, обеспечивающая на сегодняшний день значительную часть миграционного прироста населения, становится миграцией преимущественно из Средней Азии. В краткосрочной перспективе ожидается, что миграционное партнерство со странами ЕАЭС приобретет более прагматичные формы. В первую очередь речь идет о двух вещах: *общей пенсионной системе и гармонизации налогового законодательства*. Ожидается, что с введением этих мер количество мигрантов, желающих получить документы на постоянное (гражданство) или долгосрочное (РНР) пребывание в России, возрастет.

При этом наблюдается постепенное, но неуклонное сокращение притока трудовых мигрантов в Россию. В странах СНГ, в частности в Узбекистане, намечаются перспективы экономического развития (в том числе за счет российских инвестиций), что будет благоприятствовать созданию новых рабочих мест, а соответственно подтолкнет население отказываться от миграции в пользу работы в родной стране. Эти процессы могут привести в будущем к необходимости для России искать новые страны-источники для восполнения нехватки в рабочей силе.

На данный момент на российском рынке 2,2 миллиона незаполненных вакансий, что является самым высоким показателем с 2014 г. Число открытых вакансий примерно в два раза превышает число желающих устроиться на работу. Из этих вакансий порядка 68% приходятся на сферу неквалифицированного физического труда, при том, что в условиях пандемии увеличивается спрос на онлайн-формы занятости. Спрос на удаленные формы занятости повлиял в целом и на международный рынок труда. Пандемия способствовала увеличению онлайн-занятости и росту виртуальной трудовой миграции на международном рынке. Последствием этого может стать *сокращение реальной трудовой миграции при одновременном росте возможностей занятости*.

Как видим, недавние *политические решения об ограничении привлечения иностранных работников на российский рынок труда были приняты на фоне роста естественной убыли населения и нарастающего дефицита рабочей силы*.

Другой тревожной тенденцией последнего времени является уменьшение внутренней миграции населения, начавшееся в 2019 г. и снижающееся достаточно быстрыми темпами (на 15% за 3 года). Причины такого снижения остаются неясными.

Политические решения в сфере миграции характеризуются медленной либерализацией. Последняя проявила себя в период пандемии, когда были введены упрощенные режимы для трудовых мигрантов. Есть основания полагать, что наметившийся тренд на либерализацию и усиление гибкости в управлении миграционными процессами сохранится.

Большое количество мигрантов на сегодняшний день находятся в нелегальном поле. Согласно данным официальной статистики, в первом квартале 2021 г. 72% трудовых мигрантов имели право выйти на легальный рынок труда [54], но лишь немногие из них реализовали эту возможность. Это может быть связано с тем, что мигранты не чувствуют себя вправе на что-то претендовать на российском рынке труда. Определенные надежды на улучшение ситуации можно возлагать на начавшийся процесс цифровизации процедур трудоустройства. Усилия Министерства труда РФ по разработке электронной системы «Работа в России» коррелируют с растущей долей мигрантов, пользующихся для трудоустройства сетью Интернет. *Данный процесс может способствовать выводу трудовых отношений из серой зоны и постепенно легализовать рынок иностранного труда в России.*

Параллельно с либерализацией наблюдается тренд на усиление контроля за мигрантами – в частности, за счет планируемого введения новых мер учета мигрантов [55]. Рост контроля, а также введение дополнительных мер учета, которые планируются в ближайшее время, усложнят вход мигрантов в легальное трудовое поле. Это может повлечь за собой рост нелегальной занятости, что уже наблюдалось в предыдущие десятилетия. В целом, силовые методы управления миграционной ситуацией в стране – борьба с нелегальной миграцией, миграционной преступностью, устранение лидеров мигрантских сообществ, появление которых часто является ответом на давление, не приводят глобально к решению проблемы, но к ответному росту недовольства среди мигрантов.

Мигранты чаще россиян оказываются в ситуации правовой и социальной незащищенности. В условиях пандемии трудовые мигранты оказались в более уязвимой финансовой ситуации, чем россияне. Согласно результатам опросов, в новой ситуации мигранты чаще теряли работу по сравнению с гражданами России, чаще сталкивались с падением уровня доходов, ухудшения качества жизни.

Помимо этого, в период пандемии мигранты чаще оказывались в зоне риска, так как многие из них заняты в сферах труда, предполагающих физическую мобильность и, соответственно, больший риск заражения. По данным исследований, б'ольшая уязвимость ми-

грантов связана с меньшим доступом к сфере здравоохранения, менее удовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями и проживанием в условиях большей плотности, что увеличивает риск распространения болезни. Несмотря на включение мигрантов в эпидемиологические мероприятия, данных о здоровье мигрантов на данный момент нет. *Более адекватное представление о ситуации (и, соответственно, возможность принять необходимые адресные меры в отношении мигрантов) могла бы дать развернутая медицинская статистика.*

В России на данный момент *отсутствует комплексная система интеграции и адаптации мигрантов, а также государственное финансирование, направленное на реализацию подобных проектов.* Между тем это могло бы устранить или смягчить хотя бы часть отмеченных выше проблем. Министерство внутренних дел, ответственное за разработку и реализацию миграционной политики, не является на сегодняшний день институтом, обладающим ресурсами для эффективной системы управления миграционными потоками, балансировки спроса и предложения на рынке труда, адаптации и интеграции мигрантов. Призывы к сокращению притока иностранной рабочей силы, которые озвучивались представителями ведомства, не учитывают ни демографических и миграционных тенденций, ни ситуации на рынке труда. *Создание гражданского ведомства (вместо силового), позволило бы добиться миграционной политики, более чувствительной к текущим социально-экономическим процессам и более ориентированной на цели общественного развития.*

Спустя два года с начала Пандемии миграционные потоки практически восстановились. Ограничения, наложенные в течение первых месяцев, показали, что сложные современные экономики не способны функционировать без миграции. Тезис о том, что место мигрантов на рынке труда быстро займут местные работники, оказался несостоятельным. Напротив, в сложившейся ситуации национальные правительства были вынуждены вырабатывать механизмы экстренного привлечения отдельных категорий мигрантов в обход ими же введенных ранее ограничений. Более того, часть таких механизмов трансформируется в постоянные.

К 2022 году подавляющем большинстве стран произошел переход к политике сосуществования с КОВИД. Подобная стратегия означает, среди прочего, пересмотр общественного договора с целью включения в него не только граждан, но и находящихся на территории страны мигрантов, задействованных в национальной экономике. Это влечет за собой преобразование многих временных мер в постоянные. К числу таких мер относятся обеспечение полноценного доступа мигрантов к национальным системам здравоохранения и базовым социальным гарантиям, а также разработка механизмов регуляризации статуса

всех категорий мигрантов, находящихся на территории страны. На наш взгляд, именно подобное смещение акцентов миграционной политики наряду с общей цифровизацией процедур легализации мигрантов и является отличительной чертой (пост)пандемийного миграционного регулирования.

Благодарности

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Covid effect: Oman says its own will replace expats in govt sectors // Indian express URL: <https://indianexpress.com/article/india/6387963covid-effect-oman-says-its-own-will-replace-expats-in-govt-sectors/> (дата обращения: 10.10.2022).
2. Trump says he will suspend all immigration into U.S. over coronavirus // reuters URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-usa-immigration-idUSKBN223085> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Thomas Hale et al. What have we learned from tracking every government policy on COVID-19 for the past two years? . - Available at: <https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2022-03/What-have-we-learned-from%20tracking-two-years-of-COVID-responses-BSG-research-note-March-2022.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).
4. K. Xinghui, D. Sim // Singapore's 'decisive' living with Covid-19 move: all you need to know URL: <https://www.scmp.com/week-asia/health-environment/article/3171733/singapores-decisive-living-covid-19-move-heres-all-you> (дата обращения: 10.10.2022).
5. HM GOVERNMENT // COVID-19 RESPONSE: LIVING WITH COVID-19 URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1056229/COVID-19_Response_-_Living_with_COVID-19.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
6. _Global Mobility Restriction Overview // IOM URL: https://displacement.iom.int/sites/default/files/public/reports/DTM-COVID19%20Global%20Overview%20Output%2028-03-2022_0.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
7. Estimates of the components of international migration, quarterly // Statistics Canada URL: https://displacement.iom.int/sites/default/files/public/reports/DTM-COVID19%20Global%20Overview%20Output%2028-03-2022_0.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
8. Overseas Migration // Australian Bureau of Statistics URL: <https://www.abs.gov.au/statistics/people/population/overseas-migration/2020-21> (дата обращения: 10.10.2022).
9. 2021 Annual International Migration and Forced Displacement Trends and Policies Report to the G20 // OECD URL: <https://www.oecd.org/els/mig/OECD-ILO-IOM-UNHCR-2021-migration-report-to-the-G20.pdf> (accessed: 01.05.2022).
10. COVID hit to migration levels - Recovery efforts must address structural obstacles to migrant integration // OECD URL: <https://www.oecd.org/migration/covid-hit-to-migration-levels-recovery-efforts-must-address-structural-obstacles-to-migrant-integration.htm> (accessed: 01.05.2022).

11. Tarchi D. et al. Atlas Of Migration 2021 Luxembourg, 2021, ISBN 978-92-76-45981-1, doi:10.2760/979899,
12. Численность и миграция населения Российской Федерации // РОССТАТ URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (accessed: 01.05.2022).
13. OECD (2021), International Migration Outlook 2021: Recent developments in international migration movements and labour market inclusion of immigrants <https://doi.org/10.1787/29f23e9d-en>. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/29f23e9den/1/3/1/index.html?itemId=/content/publication/29f23e9den&_csp_=a9da7d4f182770aaa63ad86232529333&itemIGO=oecd&itemContentType=book (дата обращения: 10.10.2022).
14. UNHCR PROJECTED GLOBAL RESETTLEMENT NEEDS 2021 // UN URL: <https://www.unhcr.org/protection/resettlement/5ef34fb7/projected-global-resettlement-needs-2021-pdf.html> (accessed: 01.05.2022).
15. Ireland: Family reunification during COVID-19 // European commission URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/ireland-family-reunification-during-covid-19_en (accessed: 01.05.2022).
16. ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology – Third edition International Labour Office – Geneva: ILO, 2021 ISBN: 9789220346570 (Web PDF)
17. OECD (2021), International Migration Outlook 2021: Recent developments in immigration policy <https://doi.org/10.1787/29f23e9d-en> URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/29f23e9d-en/1/3/2/index.html?itemId=/content/publication/29f23e9d-en&_csp_=a9da7d4f182770aaa63ad86232529333&itemIGO=oecd&itemContentType=book (дата обращения: 10.10.2022).
18. MPI: « U.S. Unemployment Trends by Nativity, Gender, Industry, & More, Before and During Pandemic», URL: <https://www.migrationpolicy.org/programs/migration-data-hub/us-unemployment-trends-during-pandemic> (дата обращения: 10.10.2022).
19. Analysis of U.S. Census Bureau Current Population Survey data from June 2020 in Stephen A. Camarota, Jason Richwine, and Karen Zeigler, “The Employment Situation of Immigrants and Natives in June 2020” (issue, Center of for Immigration Studies, Washington, DC, July 2020), URL: <https://cis.org/sites/default/files/2020-07/june-unemployment-2020.pdf>. (дата обращения: 10.10.2022).
20. UN DESA, «Remittances Matter: 8 Facts You Don’t Know about the Money Migrants Send Back Home», UN News, June 17, 2019, URL: <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/remittances-matter.html> (дата обращения: 10.10.2022).

21. MPI: «Diasporas: New Partners in Global Development Policy», URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/diasporas-new-partners-global-development-policy> (дата обращения: 10.10.2022).
22. International Monetary Fund. 2020. External Sector Report: Global Imbalances and the COVID-19 Crisis. Washington, DC, August, С. 16.
23. George A. S. H., George A. S., Baskar T. Sri Lanka's Economic Crisis: A Brief Overview //Partners Universal International Research Journal. – 2022. – Т. 1. – №. 2. – С. 9-19.
24. National Center of Competence in Research (NCCR) for migration and mobility studies, Apr 3, 2020, URL: https://public.tableau.com/app/profile/nccr.on.the.move/viz/MobilityandBorders_15859014059040/MobilityandBorder (дата обращения: 10.10.2022).
25. Piccoli L., Dzankic J., Ruedin D. Citizenship, Migration and Mobility in a Pandemic (CMMP): A global dataset of COVID-19 restrictions on human movement //PloS one. – 2021. – Т. 16. – №. 3. – С. e0248066.
26. The end of an era in British migration statistics by Peter William Walsh, 16 Sep 2020; URL: <https://ukandeu.ac.uk/the-end-of-an-era-in-british-migration-statistics/> (дата обращения: 10.10.2022).
27. ONS: Understanding the impact of Covid-19 on UK population by Becca Briggs, David Freeman, and Rich Pereira January 25, 2021
28. Sumption, M. (2021). Where did all the migrants go? Migration data during the pandemic. Migration Observatory commentary, COMPAS, University of Oxford.
29. Sumption M. How useful are survey data for analyzing immigration policy? //Data & Policy. – 2020. – Т. 2.
30. Денисенко, М. Б., & Мукомель, В. И. (2020). Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии. *Демографическое обозрение*, 7(3), 84–107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637>
31. ГУВМ МВД РФ, Главное управление по вопросам миграции МВД РФ (2020). Статистические сведения по миграционной ситуации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>(данные загружены 01.09.2020).
32. The World Bank (2020). Migration and Remittances Data. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>
33. The Protection We Want Social Outlook for Asia and the Pacific // International Labor Organization Bangkok, 2021 URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/documents/publication/wcms_758165.pdf (дата обращения: 10.10.2022). eISBN: 978-92-1-005335-8

34. Impact of COVID-19 on Migrants and Refugees in the Arab Region // UNESCWA URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---arabstates/---ro-beirut/documents/publication/wcms_764756.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
35. M. Bierbaum; I. Orton; C. Behrendt Towards solid social protection floors? The role of non-contributory provision during the COVID-19 crisis and beyond // ILO URL: https://www.ilo.org/secsoc/information-resources/publications-and-tools/Brochures/WCMS_766884/lang--en/index.htm (дата обращения: 10.10.2022).
36. France: COVID-19 migrant workers eligible for accelerated naturalisation procedure // EU URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/france-covid-19-migrant-workers-eligible-accelerated-naturalisation-procedure_en (дата обращения: 10.10.2022).
37. Social protection for migrant workers: A necessary response to the COVID-19 crisis // ILO URL: https://www.ilo.org/secsoc/information-resources/publications-and-tools/Brochures/WCMS_748979/lang--en/index.htm (дата обращения: 10.10.2022).
38. Mukhopadhyay, G. Thampi Persistent COVID-19 Vaccine Inequity Has Significant Implications for Refugees and Other Vulnerable Migrants // MPI URL: <https://www.migration-policy.org/article/refugees-access-covid-19-vaccine-inequity> (дата обращения: 10.10.2022).
39. EU Action Plan on Integration and Inclusion (2021-2027) // EU URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/ec-reveals-its-new-eu-action-plan-integration-and-inclusion-2021-2027_en (дата обращения: 10.10.2022).
40. Legal migration: Attracting skills and talent to the EU // EU URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_2654 (дата обращения: 10.10.2022).
41. Hemerijck, L. Patuzzi European welfare states and immigrant integration in the wake of the COVID-19 crisis // MPI URL: https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpie-integration-futures-welfare_final.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
42. OECD (2021), International Migration Outlook 2021: Key facts and figures (infographic) <https://doi.org/10.1787/29f23e9d-en> URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/29f23e9d-en/1/2/4/index.html?itemId=/content/publication/29f23e9d-en&_csp_=a9da7d4f182770aaa63ad86232529333&itemIGO=oecd&itemContentType=book#section-d1e138 (дата обращения: 10.10.2022).
43. 20 стран, которые выдают фрилансерам цифровую визу // ABROADZ URL: <https://abroadz.com/20-stran-kotorye-vydayut-frilanseram-czifrovuyu-vizu/> (дата обращения: 10.10.2022).

44. Republic of the Marshall Islands. Office of the Secretary Ministry of Health and Human Services. 2019 Novel Coronavirus. Health Travel Advisory and Restrictions. 2020 (дата обращения: 10.10.2022).
45. НАЦИЙ О. О. Международный пакт о гражданских и политических правах. – 1995.
46. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. «Миграция в России: текущие статистические оценки», 17 декабря 2021 г.
47. Росстат, Доклад «Социально-экономическое положение России» 2021
48. Отчёт о результатах исследования социально-экономических последствий пандемии COVID-19 для мигрантов из Центральной Азии, пребывающих на территории Российской Федерации». МОМ. 2021. URL: <http://moscow.iom.int/ru/publikacii>
49. Annual International Migration and Forced Displacement Trends and Policies Report to the G20 // OECD URL: <https://www.oecd.org/els/mig/OECD-ILO-IOM-UNHCR-2021-migration-report-to-the-G20.pdf> (дата обращения: 20.07.22).
50. Remittance Flows Register Robust 7.3 Percent Growth in 2021 // World Bank URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/11/17/remittance-flows-register-robust-7-3-percent-growth-in-2021> (дата обращения: 20.07.22).
51. America's Labor Shortage: How Low Immigration Levels Accentuated the Problem and How Immigration Can Fix It // immigrationforum URL: https://immigrationforum.org/article/americas-labor-shortage-how-low-immigration-levels-accentuated-the-problem-and-how-immigration-can-fix-it/#_ftn5 (дата обращения: 20.07.22).
52. Government of Canada announces plan to support economic recovery through immigration // Canada government URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/news/2020/10/government-of-canada-announces-plan-to-support-economic-recovery-through-immigration.html> (дата обращения: 20.07.22).
53. Migration Program planning levels // Au Government URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/what-we-do/migration-program-planning-levels#:~:text=The%202022%2D23%20Migration%20Program%20will%20have%20a%20planning%20level,includin%20those%20in%20regional%20Australia.> (дата обращения: 20.07.22).
54. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция: основные тренды января-февраля 2021 года // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021. №10(142). Июнь. С. 16-19.
55. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. N 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации».

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Хасанова Р.Р.

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ